

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
Школа актуальных гуманитарных исследований

Алексей Алексеевич Гиппиус. Фотография А. А. Фитискиной. 2022

От сорочка к Олекше

Сборник статей
к 60-летию А. А. Гиппиуса

Статьи собрали

С. М. МИХЕЕВ

Ф. Б. УСПЕНСКИЙ

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2023

УДК 80
ББК 80/81
О80

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Александр Геннадьевич Кравецкий, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Александр Львович Лифшиц, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований НИУ «Высшая школа экономики»

Александра Андреевна Плетнёва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

РЕДАКТОРЫ

С. М. Михеев (отв. редактор), Д. В. Сичинава, Т. В. Гимон, Ф. Б. Успенский

От сорочка к Олекше. Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. — Москва : О80 Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 624 с.: ил. 32. — ISBN 978-5-85006-504-1.

В сборник вошли более трех дюжин статей сорока друзей и коллег Алексея Алексеевича Гиппиуса. Большинство статей посвящены лингвистическому, филологическому и историческому анализу летописей, берестяных грамот и надписей, то есть тех памятников письменности, которые находятся на острие научного внимания нашего юбиляра. Статьи сборника упорядочены по хронологическому принципу — от X в. к современности, хотя большая их часть связана с древнерусской эпохой. Завершают этот том воспоминания Б. А. Успенского о написании и издании его книг.

Для историков, лингвистов и широкого круга интересующихся культурой Древней Руси.

УДК 80
ББК 80/81

ISBN 978-5-85006-504-1

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023

Содержание

<i>Р. Н. Кривко.</i> Язык и формуляр Самуиловой надписи 993 года	9
<i>П. В. Лукин.</i> Еще раз о «Фарьманской теории»	34
<i>К. Цукерман.</i> Древнейшее сказание 1016/17 года — первый литературный памятник Руси	47
<i>Д. А. Добровольский.</i> «Слово о вере христианской и о латинской» в ряду сочинений Феодосия Печерского: опыт лингвостилистического анализа	67
<i>Т. В. Рождественская.</i> Еще раз о надписях на камне из Софийского собора в Полоцке	83
<i>А. Ю. Виноградов.</i> Повторные освящения церквей в домонгольской Руси и их причины	97
<i>А. А. Фитискина.</i> Промузг(а): «гапакс» Кирика Новгородца	122
<i>А. Ф. Литвина, С. М. Михеев, Ф. Б. Успенский.</i> Необычная печать русской княгини	129
<i>П. С. Стефанович.</i> Миф о боярах-убийцах князя Андрея Боголюбского	145
<i>А. В. Тенцова.</i> «Утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ»: что значит <i>жестокое тѣло</i> князя Игоря?	166
<i>С. Л. Николаев.</i> Акцентные варианты имен <i>Игорь</i> и <i>Борисъ</i> в старовеликорусских памятниках XV–XVIII веков и в «Слове о полку Игореве» конца XII века	176
<i>В. Л. Васильев.</i> Этимологические наблюдения над ономастикой новгородских берестяных грамот	186
<i>П. В. Петрухин.</i> Берестяные грамоты как отражение перехода восточных славян от дописменного общества к письменному	195
<i>Д. В. Сичинава.</i> Еще несколько поправок и комментариев к чтениям берестяных грамот	213
<i>Е. А. Рыбина.</i> Термины права в новгородских берестяных грамотах	227
<i>А. М. Введенский.</i> Слово о первых черноризцах печерских: Патерик—Пролог—летопись	248
<i>А. А. Турилов.</i> О палеографической датировке Суздальских «золотых» врат	257
<i>В. А. Волхонский, С. М. Михеев.</i> Каменный крест аркажского монаха Семеона 1234 года	264

<i>А. А. Горский.</i> За что Лев Данилович убил Войшелка Миндовговича?	289
<i>Т. В. Гимон.</i> «Свод 1305 года»: несохранившаяся «живая летопись»?	294
<i>С. В. Городилин.</i> У кого Лука Варфоломеев взял «землю Заволочкую по Двинѣ всѣ погосты» (К вопросу об интерпретации летописного известия 6850 г.)	319
<i>А. В. Лаврентьев.</i> Два храма. К истории деревянного и каменного строительства в Московском Кремле во второй половине XIV века	346
<i>М. А. Бобрик.</i> Надписи на фресках Волотова (из addenda et corrigenda к Документации Г. И. Вздорнова)	359
<i>Дж. Дизиффер.</i> К рукописной традиции «Слова о законе и благодати»: стратификация текста	375
<i>А. М. Молдован.</i> Новонайденная Сокращенная редакция «Слова о законе и благодати» Илариона	384
<i>С. В. Полехов.</i> Когда был составлен «Список убытков новгородцев»?	403
<i>П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников.</i> Прикладная печать-матрица XV века из Великого Новгорода	416
<i>Вл. В. Седов.</i> Книга для новгородской церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи	420
<i>М. Н. Шевелёва.</i> О плюсквамперфекте и других глагольных формах в одной старорусской грамоте	426
<i>А. И. Грищенко.</i> Неизвестные древнепермские названия дней недели и новгородская письменная традиция	439
<i>А. Г. Авдеев.</i> Стихотворная эпитафия келарю Псково-Печерского монастыря Ионе: неизвестный памятник эпохи московского барокко	456
<i>J. Schaeken.</i> Peter's Bilingual Bible: A curious chapter in Dutch-Russian cultural relations under Peter the Great	467
<i>С. Франклин.</i> К прагматике и коммуникативным функциям малоизученного вида документов XVIII века: указы-бланки	488
<i>М. В. Рождественская.</i> О некоторых древнерусских параллелях к повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»	503
<i>А. А. Пичхадзе.</i> Винительный с причастием при глаголах восприятия, мысли и речи в древнерусском языке и русских говорах	511
<i>С. М. Толстая.</i> Заметки о языке олонечких причитаний	522
<i>М. Н. Толстая.</i> Ирреальный эпизод в истории восточнославянских связей	541
<i>Б. А. Успенский.</i> Путь в славистику (Habent sua fata libelli)	553
Об авторах	617
Список сокращений	619

У кого Лука Варфоломеев взял
«землю Заволочкую по Двинѣ всѣ погосты»
(К вопросу об интерпретации
летописного известия 6850 г.)

С. В. ГОРОДИЛИН

Статья посвящена известному по сообщению Новгородской первой летописи неудачному походу 1342 г. в Подвинье. Анализируются существующие в историографии мнения по поводу целей и характера этого похода, уточняется состав его участников и особенности его подготовки, его географические рамки и политическая ситуация в тогдашнем Заволочье. Обосновывается вывод о неприемлемости традиционного взгляда на экспедицию Луки Варфоломеева как на обычную для своего времени, а также включения ее в число грабительских походов ушкуйников или в ряд внутренних конфликтов новгородских землевладельцев.

From whom did Luka Valfromeev take the
“land of Zavoloch’e by the Dvina, all the pogosts”
(On the interpretation of the chronicle entry for 6850)

SERGEY V. GORODILIN

The article focuses on an unsuccessful 1342 expedition to the Northern Dvina region, which is well-known from the Novgorod First Chronicle. It analyzes different historiographical opinions concerning the goals and nature of this expedition, and clarifies who participated in it and how it was prepared as well as its geographical setting and the political situation in Zavoloch’e at that time. The article substantiates the conclusion that the traditional view of Luka Varfolomeev’s expedition as a regular event for its epoch is wrong, and also that it is wrong to number the event among raids by the Ushkuyniks or internal conflicts among Novgorod landowners.

<https://doi.org/10.22394/978-5-85006-504-1-21>.

Рассказ летописца о походе сына посадника Варфоломея Юрьевича Луки на Северную Двину известен давно и постоянно привлекает внимание ученых. Несмотря на его лаконизм, описанные в нем острые военные и политические конфликты, вне сомнения, важны для истории Новгорода, разразившиеся после получения вести о гибели Луки социальные столкновения весьма масштабны даже и по высоким новгородским меркам, а их действующие лица играли ключевые роли в социуме республики¹. Заметим, однако: упоминая само предприятие Луки Варфоломеева, неудача которого стала поводом для мощного внутривнутриполитического кризиса, историки либо говорят о нем очень кратко — как о походе, где Лука был убит, либо, если есть нужда углубиться в подробности, предпочитают цитировать летописный текст, ограничиваясь минимумом комментариев по его поводу. Причины этого становятся яснее при изучении историографии вопроса.

Для удобства приведем сам рассказ. После известия о кончине 25 октября 1342 г. посадника Варфоломея, сына Юрия Мишинича, Новгородская первая летопись (далее НПЛ) сообщает:

Того же лѣта Лука Валфромѣвъ, не послушавъ Новаграда, [и] митрополица благословения и владычня, скопивъ съ собою холоповъ збоевъ, и поѣха за Волокъ на Двину, и постави городокъ Орлицъ; и скопивши Емцанъ, и взя землю Заволочкую по Двинѣ, всѣ погосты на щить. В то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Волгу [*разнот.*: Вагу], Лука же въ двусту выиха воевать, и убиша его заволочанѣ. И прииде вѣсть в Новѣгород: “Лука убиенъ бысть”, и вѣсташа чорныи люди на Ондрѣшка, на Федора на посадника Данилова, а ркуци, яко тѣ заслаша на Луку убити; и пограбиша ихъ дома и села. А Федоръ и Ондрѣшко побѣгоша в Копорью в городокъ, и тамо сѣдѣша зиму всю и до великого говѣния (НПЛ: 355–356)².

1. О них см. Янин 1962: 178–183; 1991а: 9–11, 44–46; 1991б: 22–24, 213–214.

2. В НПЛ младшего извода рассказ о походе и последствиях гибели Луки завершает статью 6850 г. В Новгородской четвертой и пятой летописях и в связанных с ними памятниках сообщение о его экспедиции, напротив, начинается известия этого же года, и лишь затем повествуется о послых из Пскова и о его союзе с Литвою, о пожаре в Новгороде и о смерти Варфоломея (ПСРЛ 4/1: 271–272; 4/2: 255–256; 16: 74–75; так же, вероятно, было и в первой выборке Новгородской Карамзинской летописи, где утрачен л. 288, но начало

Прибывший затем Онцифор перед лицом Новгорода обвиняет беглецов в подстрекательстве к убийству отца. Те все отрицают, вспыхивает усобица, собираются два веча, происходит стычка, и лишь при участии владыки и великокняжеского наместника в итоге удается восстановить мир.

Одним из первых свою определяющую для следовавших за ним авторов интерпретацию этому предложил Н. М. Карамзин, использовав описанный эпизод для иллюстрации тезиса о *дерзости и своеволии* новгородских граждан. Под его пером сюжет о сыне посадника обрел черты романтического по духу рассказа о разбойнике благородного происхождения, устроившем укрепленное логово в далеком Заволочье, разорявшем с собранной им шайкой бродяг окрестные деревни и в итоге убитом местными жителями, что вызвало волнения любившей Луку столичной черни (Карамзин 1992: 153)³. С. М. Соловьеву события 1342–1343 гг. послужили свидетельством о борьбе в Новгороде между сильными боярскими сторонами, для обострения которой сам поход стал лишь предлогом. О нем историк говорит

статьи 6850 г. и там открывает рассказ о походе Луки, обрывающийся на взятии «всех погостов»: ПСРЛ 42: 89).

Верной тут видится последовательность в НПЛ, где все датированные события следуют обычной хронологии мартовского года («Великая суббота» 30 марта 1342 г., понедельник 27 мая 1342 г., 25 октября, «вся зима до великого говения», т. е. до 24 февраля 1343 г. и следующее за ним начало Поста 1343 г.). В версии же летописей Новгородско-Софийской группы период, описываемый статьей 6850 г., должен включать происходившее с начала зимы 1341–1342 или даже с осени 1341 г. (поход и гибель Луки, получение вести о ней в Новгороде, бегство недругов Луки и их пребывание в Копорье до начала Великого поста 11 февраля 1342 г.) вплоть до октября 1342 г. (смерть Варфоломея), что необъяснимо игнорирует стандартную для новгородского летописания того времени мартовскую хронологию. Так же счел и Н. Г. Бережков (1963: 292, 293, 297), отнеся статью 6850 г. НПЛ к мартовскому 1342–1343 г. с возможным забеганием последних событий в март уже следующего 6851 г., этой же хронологии следует в данном сюжете и В. Л. Янин (1991б: 213–214).

3. Впрочем, в рамках близкой к этому схемы осмыслял рассказ летописи еще В. В. Крестинин: к уходу из-под новгородской власти под власть великого князя двиняне постоянно подталкивали необузданные «внутренние волнования и насилия» новгородцев, неизбежно присущие их «поврежденному своевольным правлением народу». Примером тому и стали для Крестинина «мятежные дела» Луки Варфоломеева, знатного вельможи из Новгорода, затеявшего «неизвестно какие новизны». Тот, как сказано со ссылкой на Новгородский летописец, действуя «против воли главных правителей Великогоновгородския республики», словно неприятель вошел «с толпою предводительствуемых им невольников, холопов» в Двинскую землю. Ее жители, в защиту «собственной вольности» выступив против пришельцев, убили Луку и тем «прекратили опасные замыслы сего страшного человека» (Крестинин 1984: 15).

исключительно словами летописи, в целом, впрочем, следуя Карамзину в том, что Лука во главе собранных им «бродячих холопей» опустошал «всю землю Заволоцкую» (Соловьев 1988: 242).

Новые акценты появляются в трудах 60-х гг. XIX в. Н. И. Костомаров указал, что изначально Подвинье было населено «финским племенем», *заволоцкой чудью*, но постепенно осваивалось «новгородскими выходцами», установившими там свою власть. Ко времени похода край уже разделен на погосты и обжит «славянскими колонистами». Поскольку «едва ли можно допустить, чтоб Лука нашел себе сочувствие в новгородцах, если б он начал разорять новгородские погосты», то, следовательно, заключил ученый, в них он должен был грабить одних туземцев. Даже и тогда «более знакомые с государственными понятиями люди» сочли бы это за преступление, но городской черни предприятие Луки, напротив, нравилось (Костомаров 1863, т. 1: 408–409; 1863, т. 2: 111–112). Кроме того, в другой части той же работы добавлено, что еще в 1320 г. некий «Лука (может быть, Варфоломеев, который потом с толпою холопов-сбоев разорял Заволочье и там погиб) ходил в ушкуях на Мурман» (Костомаров 1863, т. 2: 119). Это предположение позднее разовьется в широко и устойчиво звучащую в историографии применительно к этому сыну Варфоломея тему *ушкунничества*. И. Д. Беляев в связи с нашим сюжетом тоже задействовал уже известные мотивы *своеволия* новгородцев и *колонизации* ими Севера, к тому времени тесно сросшиеся с новгородским мифом: по его мнению, вообще весь Заволоцкий край осваивался такими же вот набранными боярами в Новгороде «ватагами» и состоял из боярских владений, где бояре, чувствуя себя еще свободнее, чем в метрополии, вели себя совершенно необузданно (Беляев 1864: 36–39, 437–438).

М. Н. Покровский дополнил тезис о *колонизации* актуальными тогда социологическими конструктами, включая и *классовый подход*, а в связи с экспедицией 1342 г. им был упомянут не только *колониализм*, но даже и *империализм*. По поводу конфликта в Заволочье сказано о «колониальных предприятиях того единственного типа, который был знаком Древней Руси: о грабительских походах на окраины, заселенные инородцами, а иногда и на соседние русские земли». Для «соблюдения приличия» они могли принимать, как в случае Луки, и «характер частной антрепризы», но важнейшей их ролью было отвлечение народной массы «капиталистического Новгорода» от неизбежно надвигавшегося, по мнению ученого, в ином случае «восстания „социалистического“ характера» (Покровский 1913: 206–207). В случившемся же на Двине изначально «колониальная экс-

педия» и сама обратилась в «орудие социальной борьбы»: к 1342 г. все Заволочье уже находилось «в руках крупнейших новгородских капиталистов», поэтому даже и одно появление «нового колонизатора с его очень демократической дружиной должно было создать очень острые отношения», а наш сын посадника еще и «вел себя в Заволочье, как настоящий конквистадор, и вооруженной рукой заставил себя слушаться все двинские погосты». Ослаблением его войска воспользовались «его заволочские враги» (т. е., видимо, недовольные агрессивным конкурентом бояре-землевладельцы), но убийство ими вождя этой «демократической дружины» вызвало социальный взрыв уже в самом Новгороде (там же).

Такого подхода не поддержал А. А. Кизеветтер, продолжив развивать идеи Костомарова и Беляева. По его мнению, передовыми застрельщиками *народной колонизации* Севера стали «военно-промышленные “ватаги” новгородских “ушкунников”», и были случаи, «когда “ватага” начинала свое дело самовольно, а порою даже вопреки запрещению официальных властей». Ровно это и вышло в 1342 г.: Лука Варфоломеев, «не послушав Новгорода и владыки» <...> взял на щит все чудские поселки по Двине, но в конце концов во время одного из своих набегов был убит возмущившимися туземцами» (Кизеветтер 1919: 15). С. Ф. Платонов, указав, что лишь «экономически сильные и политически влиятельные люди» из Новгорода могли предпринимать поездки в Поморье, основывая там «промышленные поселки», добавил, что «иные являлись за добычей в виде простых насильников». Таким-то был и Лука, действия которого имели в основе «грубое желание завладеть уже заселенным краем в личную собственность смелого предпринимателя с целью торгово-промышленного использования местных богатств», но он получил отпор, пав от руки неких «местных людей» (Платонов 1924: 20). М. К. Любавский по поводу событий 1342 г. тоже упомянул богатых новгородских землевладельцев, служивших «главными двигателями» колонизации Севера, где «разными путями, т. е. самовольным захватом, покупкой и пожалованием веча», они добывали земли, «устраивали свои резиденции и созывали колонистов». Было сказано и то, что итогом похода стало не только ограбление погостов: построенный Лукою Орлец увеличил число русских поселков в крае (Любавский 1909: 159).

С. В. Рождественский в работе о двинских боярах и двинском хозяйстве вновь повторил указание Костомарова на явно значимый для нашей темы факт: новгородское Подвинье в первой половине XIV в. невозможно воспринимать как неосвоенную

отдаленную и ничейную территорию, что вызывает и очевидные сложности при традиционной интерпретации «загадочного похода» 1342 г. как *обычного* и как *грабительского*: «едва ли это был простой грабительский набег: не было смысла новгородскому боярину просто разорять богатейшую из новгородских волостей». На этом основывалась гипотеза, по которой Лука Варфоломеев действовал «как орудие новгородского боярства, не мирившегося с самостоятельностью Двинской земли, возглавляемой местным боярством» (Рождественский 1929: 60–61).

В труде о территории древнерусского государства интересующей нас темы коснулся А. Н. Насонов. Согласно ему, Лука у рубежа «двинских лук» (тянувшихся, по мнению исследователя, от Поморья до Орлеца) «без разрешения новгородской власти поставил “городок” и с помощью “емчан” (т. е. обитателей Емцы) захватил “погосты” по Двине, но был разбит “заволочанами”, вероятно двинскими боярами». Последние, как решил Насонов, были не чудскими старостами, а выросли уже «из недр черного, волостного населения», появившегося в Нижнем Подвинье в ходе *славянской колонизации* (Насонов 1951: 101–102).

На сложившуюся традицию во многом опирался Л. В. Черепнин, вслед за М. Н. Покровским говоря в связи с обсуждаемым эпизодом о боярах, которые, «желая избавиться от беспокойного плебса, стремились увести его за пределы Новгородской республики, организуя в этих целях военные отряды из черных людей (а иногда и из своих холопов) для захвата новых земель на севере и северо-востоке Руси и грабежа купеческих караванов» (Черепнин 1960: 524). Таким образом, Лука и его сын Онцифор действовали в 1342 г. где-то за границами Новгородской земли, как счел историк, не прояснив, однако, оснований своего мнения и не уточнив, где же именно они тогда действовали.

В. Н. Бернадский рассматривал эту экспедицию за Волоч как начинание, преследовавшее «далеко идущие задачи»: укрепление власти на Двине одного из влиятельнейших новгородских родов, Мишиничей. При этом поход включается в разряд «ушкуннических набегов» или «походов без слова новгородского». В ходе подобных акций, по словам ученого, использовались «обычные для новгородцев приемы “колониальной политики”, примерно так же, как Лука Варфоломеевич действовал в 1342 г. на Северной Двине» (Бернадский 1961: 17, 39, 47). За этим его походом, по мысли Бернадского, крылось стремление к «переходу от ранних форм эксплуатации волостей к боярской “колониальной политике” иного типа». Акция Луки была направ-

лена на то, чтобы создать почву «для регулярной феодальной эксплуатации разросшегося населения Подвинья» и сформировать «без санкции новгородского правительства» лично для себя «крупное феодальное владение в восточных новгородских волостях» (там же: 52–53). Противодействие же двинян проекту сына новгородского посадника интерпретировалось советским историком в парадигме *борьбы с колониализмом* (там же: 63–64, 353–354).

В. И. Корецкий, публикуя новые источники о владениях Луки Варфоломеева в другой части Новгородской земли, по поводу причин его популярности в Новгороде предположил, что такие как он бояре «не только давали ремесленникам работу, вооружая ватаги, наподобие той, во главе которой Лука и Онцифор отправились в 1342 г. на Двину и Вагу, не только доставляли пропитание части городской голытьбы, привлекая ее для участия в своих походах», но еще и реализовывали через городских купцов награбленную добычу и доходы своих огромных вотчин (Корецкий 1969: 277–278, 282). Ю. С. Васильев, уверенный, что за термином *двинские бояре* должны скрываться обычные новгородские бояре, владевшие вотчинами в Заволочье, посчитал целью похода стремление Луки «к переделу владений на Двине» (Васильев 2013: 87–88), т. е., очевидно, захват им там для себя земель других таких же бояр.

Работы последнего времени новых концепций в отношении к нашему сюжету не обнаруживают: А. В. Петров прямо предлагает вернуться к идеям Костомарова, развивая традиционную в данном контексте тему *ушкуйничества*, грабительских походов без новгородского слова «на дальнюю периферию новгородских земель», которые, по мнению ученого, начались еще в первой четверти XIV в. и могут быть определены как «социальное движение», по составу и по своим мотивам в известном смысле близкое к новгородским «крамольникам» — черным людям (Петров 1996: 307–312). Характерно, что в такой политико-социальной оптике тесно сближаясь уже не с Н. М. Костомаровым, а с М. Н. Покровским, ученый вслед за последним даже точно так же называет Луку «конкистадором», хотя и не ссылаясь на своего действительного предшественника. Более того, применительно к грабительскому будто бы походу игнорируется поставленная самим Костомаровым проблема: как могли новгородские ушкуйники грабить новгородские же волости? А. Г. Едовин в недавнем исследовании о двинских конфликтах XIV — начала XV в., приведя рассказ НПЛ, предлагает в качестве своей трактовки лишь вывод, что «Лука Варфоломеев совершил феодальный захват земель по Двине, что вызвало противодействие как местного

населения (заволочан), так и Новгородской митрополии» (Едовин 2020: 40)⁴.

В связи с изложенными позициями укажем на некоторые общие черты интерпретаций рассматриваемого сюжета в историографии. Ученые, стремясь включить поход Луки в какой-то из контекстов, несколько более определенных, нежели былинное новгородское *своеволие* в духе Садко и Василия Буслаева, как правило, настаивают на его сугубой *обычности* в рамках предлагаемого ими контекста — вне зависимости от того, является ли в их построениях ключевым объясняющим суть действий знатного новгородца в 1342 г. термином *ушкуйничество*, *колонизация* или *феодализм*.

Однако этому мешает ряд обстоятельств. Во-первых, необычна сама подробность летописного рассказа о случившемся. К тому же для деталей, в которые вдается его автор, не находится убедительных параллелей ни в рассказах о тогдашних походах новгородцев за данью и добычей в финно-угорские земли Югры (где нет речи об установлении постоянного военно-административного контроля над погостами и их территориями), ни в сообщениях о набегах позднейших ушкуйников на чужие торговые города и на купцов по чужим для Новгорода Волге и Каме. И уж тем более их нет в спорах из-за «обояривания» волостных земель, решавшихся в рамках судебного и административного права, а не с помощью боевых действий крупных отрядов и постройки крепостей⁵.

Добавим, что трудно согласиться с теми, кто считал, что Лука пошел в поход прямо вопреки «слову» Новгорода (т. е. проигнорировал запрет): тогда б он воспринимался как нарушитель правовых норм, ослушник, убитый по заслугам⁶. Но события в городе, развернувшиеся после гибели сына посадника, явно показывают, что его действия на Двине с точки зрения го-

4. Как в источниках отражено это гипотетическое противодействие из Новгорода *феодалному захвату*, ученый не пояснил.

5. Попытка Карамзина найти аналогию в эпизоде 1294 г., когда «постави Титмановиць отии городокъ на сеи сторонѣ Наровѣ», но новгородцы разрушили и городок, и «село его великос» сожгли, как уже давно выяснено (Гадзяцкий 1940: 107), была неудачной. Историограф счел Титмановича одним из «знатных бояр новгородских», подобно Луке устроившим себе крепость у новгородских границ (Карамзин 1992: 153), но в НПЛ речь идет, видимо, о сыне упомянутого под 1256 г. «Дидмана» — Дитриха фон Кивеля, и о попытке экспансии из-за Нарвы, с территории Датской Эстонии.

6. Подобные мнения, постоянно звучащие в отечественной историографии, вводили в заблуждение и зарубежных авторов: так, Дж. Линд по этому поводу уверенно пишет, что Лука восстал против Новгорода, пошел с войском на Двину, где построил крепость и завоевал все Заволочье (Lind 1977: 319).

родского сообщества противозаконными отнюдь не были, напротив, они так или иначе лежали в рамках общих интересов. Недруги Луки лишь пытаются оправдаться, а вовсе не обвиняют его, в отличие от историков, в попрании воли Новгорода или в грабеже и захвате их собственных заволоцких вотчин. Летописец тоже, как видно, не спорит с этим, хотя полагает, что Луке лучше все же было бы получить одобрение и поддержку от всего города («слово новгородское»), и, возможно, именно с их отсутствием, а также, скорее всего, и с отсутствием «митрополица благословения и владычня» и связаны, на взгляд автора известия 1342 г., гибель знатного предводителя и неудача эффектно начавшегося похода.

Во-вторых, заметим, что писавшие о данном сюжете никак не комментировали тот факт, что с точки зрения летописи формально верным для Луки было бы получение не только одного лишь благословения владыки, т. е. новгородского архиепископа, но еще и прямо упомянутого благословения митрополита. Нужно сказать, что более о благословении сразу двух архиереев в летописании Новгорода ни разу не говорится — в отличие от нередких ситуаций, когда упомянуто благословение одного из них⁷. Добавим, что «митрополице благословение» для Луки в статье 6850 г. отнюдь не риторика: прямо перед походом, зимою 1341/42 гг., Новгород посетил митрополит Феогност, и, исходя из логики известия, инициатору похода тогда и подобало бы получить благословение не только у владыки Василия Новгородского, но и у главы всей Русской церкви. Вряд ли об этом вообще могла бы зайти речь, если, что предполагается в историографии, намечался просто *обычный* поход, будь то поход за данью, грабительский, ушкуйнический или направленный на передел вотчин между новгородскими феодалами.

Версии об *обычном* грабительском или ушкуйническом походе мешает и отмеченное еще Костомаровым очевидное обстоятельство: к 1342 г. рубежи освоения новгородцами Северо-Востока ушли от Двины на многие сотни километров восточнее — к Уралу и даже за него, в Приобье. Новгородское же Подвинье, где регулярную дань брали еще двумя веками ранее, в то время плотно вошло в сферу политического, судебного и фискального контроля республики, там уже нет «ничьих» земель, и в любом случае живут люди, подвластные, подсудные и платящие дань Новгороду. Разорение или самовольный

7. Обычно в сочетаниях типа «владычне благословение и новгородское челобитье / слово / поклон».

захват в частную собственность территорий, подвластных Новгороду и принадлежащих местным и новгородским владельцам, вряд ли могли быть восприняты горожанами и летописцем как в целом допустимое, хотя и не удавшееся Луке *своеволие*.

Предложенная Костомаровым как решение этой сложности идея, что в захваченных погостах грабили выборочно лишь финских «туземцев», что тоже было не вполне правильно исходя из «государственных понятий», но могло нравиться черни, также не может быть принята. Во-первых, НПЛ прямо и без оговорок этнического характера говорит о *всех* погостах, взятых отрядом Луки. Во-вторых, здесь, на наш взгляд, нужно принять во внимание один акт, появившийся примерно двумя десятилетиями ранее и тоже связанный с активностью новгородцев за Волоком. Речь об известной мировой грамоте между старостой Азикой с прибывшими с ним в Новгород Харагинцем, Ровдой и Игнатцем, вчетвером выступавшими от имени «своей братии», с одной стороны, и знатным новгородцем Василием Матфеевым, с другой стороны, по поводу их спора о землях Шенкурского погоста (ГВНП: 279–280, № 279), датируемой 1315 или 1319–1322 гг. Погост находился на Ваге, еще дальше от лежавшего в Нижнем Подвинье тогдашнего центра двинских владений Новгорода⁸, чем упомянутые НПЛ в связи с походом 1342 г. Орлец и Емца. Вступившие в спор с новгородцем представители знати погоста (имена части из них имеют финскую этимологию) обратились в суд, и до начала его заседания подвойские помогли им прийти к соглашению с ответчиком, что и фиксирует акт. Василий получал принадлежавшие до этого Азике и его братии земли погоста, но за это обязывался уплатить истцам весьма крупную сумму — «дватцать тысячъ бѣлки» и еще 10 рублей пополонка⁹.

Как видим, чудские старосты далеких погостов в Заволочье, находившихся под политическим и судебным патронатом Новгорода, вполне могли найти в метрополии защиту своих прав и интересов. О том же говорят и грамоты самого Луки, еще до похода на Двину покупавшего в Обонежье земли у тамошних владельцев — «у Мануйла и у Олексия и у старосты и у Родиона и у всей братии и у Пиккуя и у Юрья и у Жадис-

8. В этом качестве акт великого князя Ивана Даниловича (выдан между 1327 и 1339 г., вероятнее всего, в 1329 г.) называет Холмогоры (ГВНП: 142–143, № 85; Янин 1991б: 163).

9. Веком позже рать новгородцев, пришедшая в 1425 г. к богатому Устюгу, центру соседней Устюжской земли, в десятки раз превосходившей Шенкурский погост, удовлетворилась взятием с просивших о мире устюжан окупа в «50 000 бѣлкѣ и 6 сороковъ соболей» (НПЛ: 415).

лава и у Андрея и у Сердилия и у Андрея» (Корецкий 1969: 286, № 1, 2). Здесь тоже речь идет о старосте и о «всей братии», тоже звучат не только славянские и нейтрально-христианские, но и финские нехристианские имена, и вновь сказано о *куплях* — о возмездных сделках с фиксацией границ владений, приобретаемых по договору между юридически равными контрагентами. Если бы землю боярин мог просто отнять, а права старост и чуди были фикцией, таких сделок бы и не заключалось. Все это делает маловероятной версию, по которой своевольный боярин смог бы в середине XIV в. безнаказанно разграбить или тем более захватить в частное владение военной силой так или иначе подвластные Новгороду погосты — вне зависимости от этнической принадлежности их жителей.

С этим же связана и невозможность рассмотрения похода 1342 г. как ушкуйнического. Ушкуйничество не как популярный миф, а как реальное явление (если под ним понимать не просто любое плавание на судах конкретного типа, ушкуях) — речные походы самостоятельно собиравшихся отрядов из новгородцев, двинян и иных вольно примыкавших к ним участников на Каму и Волгу для грабежа купеческих городов и караванов — как устойчивая практика фиксируется вовсе не с 1320¹⁰ и не с 1342 г., а лишь с начала 1360-х. Это легко объяснимо разгоревшейся тогда ордынской «замятней», из-за которой торговые центры региона и пути к ним лишились надежной государственной защиты. Ранее, во времена апогея власти Орды, такого рода активность новгородцев (даже и не одобренная прямо их должностными лицами) в районах с высокой

10. Под этим годом Новгородская четвертая летопись упоминает «что Лука ходи на Нурманы, а Нѣмци избиша ушку Игната Молыгина» (ПСРЛ 4/1: 258). Со времен Костомарова на этом основано включение Луки Варфоломеева в число ушкуйников. Однако идет ли тут речь о нем или о некоем ином Луке, установить нельзя. Не сказано и собственно об *ушкуйниках*. Поход на Нурманы, т. е. на север Норвегии, не обозначен как частное чисто грабительское начинание *молодых людей* «без новгородского слова», и это объяснимо: к тому времени уже более четверти века длились конфликты Новгорода и Швеции из-за карельских земель. При этом в 1319 г. трон Норвегии занял шведский король Магнус, что, видимо, и дало в 1320 г. повод для дальнейшей военной экспедиции.

Кроме того, есть вероятность, что части известия связаны лишь косвенно: ушкуй Игната «избиша» не «нурманы», на которых ушел Лука, а куда более близкие «нѣмци» («свейские» немцы, т. е. шведы), поход же морем на многие сотни километров в Заполярье и обратно не в больших морских лодьях, а на малых плоскодонных ушкуях, предназначенных для речного плавания и переноски по волокам (Павлюченко, Гундобин, Турмов 1992: 201), был бы крайне рискован.

концентрацией ценностей, делающей походы туда выгодными, сразу вызвала бы ханский ответ в виде военной экспедиции силами князей Северо-Восточной Руси¹¹. У рубежей Новгорода во второй четверти XIV в. просто не было пространств для формирования подобных практик. При этом о грабеже как об исключительной цели прихода Луки на Двину в источнике не сказано, и нет убедительного повода додумывать это за летописца. К тому же реальным ушкуйникам (вопреки авторам XIX и XX вв.) не было свойственно ни установление власти над землями, ни устройство там постоянных крепостей. Таким образом, включение Луки Варфоломеева в число ушкуйников, а его похода 1342 г. в разряд ушкуйнических видится историографическим недоразумением.

Отметим в связи с этим другую деталь. В отличие от рейдов ушкуйников экспедиция Луки еще и иначе готовилась. В нее отправились не разные представители знати и «молодые люди», добровольно собравшиеся ради добычи. В НПЛ сказано об одном Луке (и его сыне, будущем посаднике Онцифоре) и о том, что в поход он пошел, «скопивъ съ собою холоповъ збоевъ». О его соратниках со времен Карамзина принято говорить как о «шайке бродяг», «ватаге грабителей» или о толпе «бродячих холопов». Для отечественных ученых и имперской, и советской эпох само слово «холоп» ассоциировалось с беглыми, с бродячей чернью, с участниками крестьянских восстаний, со средой социального протеста. Холопы как главная сила шедшего на Двину отряда придавали и видимую убедительность объяснению симпатии *черного люда* к Луке мотивами *классовой общности*. Слово же «збой» историки добавляли для колорита и без пояснений, лишь С. Ф. Платонов отметил, что *сбои* — это удальцы, руководствуясь, видимо, словарем В. И. Даля (Платонов 1924: 20). Там действительно наряду с многими прочими значениями, связанными с глаголами *сбивать* и *сбиваться*, есть и иная группа: «Парень *сбой* — буйн, удалец», а также «*сбойный* промысел — опасный, трудный», с важной, как полагаем, пометкой «арх.» — Архангельская губ., т. е. именно Подвине (Даль 4: 142). Еще шире этот же спектр значений представлен в бытовавшем у границ интересующего нас региона — вверх по впадающей в Двину Вычегде — языке коми (из группы пермских):

11. Попытки отреагировать именно так были и в 1360-х в виде сразу же созванного во главе с великим князем «съезда о разбойниках». Но ставшая непрестанной вооруженная борьба за власть и в Сарае, и во Владимире сделала невозможной эффективную борьбу с развивавшимся ушкуйничеством.

збой 1) бойкий, боевой;
2) удалой, смелый.

збойлун 2) удалство, удал; смелость, храбрость; решительность, отчаянность

и *збодер* / *збодьёр* — бравый, бодрый, горячий, смелый, молодцеватый, гордый.

Словари приводят такие конструкции, как «*юр вундысь кодъ збой* — бойкий, отчаянный как головорез»; «*збой да ён йёзкёд кётъ гёра пуктыльтан* — с удалыми и сильными людьми и гору перевернёшь»; «*атакаё мунігён колё збойлун* — при атаке нужна смелость» и «*збой челядь* — храбрые ребята» (КС 1948: 79; 2000: 227).

Судя по всему, на Двине, по Ваге, Вычегде и в верховьях Камы и русско-, и финно- (пермо-)язычным населением слово «збой» в то время понималось вполне однозначно. Не менее значимо, полагаем, и дополненное этим словом в летописи слово «холопы». Холоп средневековой Руси — лично зависимый человек, но отнюдь не синоним понятиям «крепостной» или «дворовой», как это стало затем в Новое время. Холопы могли служить по договору-ряду и на условленный срок, и выполнять при этом значимые функции (в том числе административные и судебные — ключников, управляющих, дьяков, тиунов). В случае же когда, как говорит НПЛ, Лука для похода «скопил съ собою холопов збоев» речь, разумеется, не о том, что он закупил «вечных холопов»-рабов или собрал опустившуюся *голытьбу* с городского дна, а о том, что нанял храбрых и, судя по всему, умелых воинов — подобных тем, что несколько позже уже уверенно будут именоваться «боевыми холопами».

Таким образом, на Двину знатный представитель посадничьего рода пошел исключительно со своими людьми, при этом с теми, кого в наше время зовут наемниками. Это однозначно характеризует его предприятие как *частную военную кампанию* и оказывается еще одной непреодолимой преградой для причисления похода к *ушкуйническим*, в которые ходили свободные горожане и во главе которых одновременно стояли представители разных боярских семей Новгорода. Здесь же отношения предводителя с нанятыми им бойцами, связанные и с управлением, и с разделом результатов похода, явно были организованы на иных началах, далеких от *артелей*, *ватаг* и прочих подобных разбойничьим и казачьим вольных сообществ, вдохновлявших авторов XIX–XX вв.

Для дальнейшего решения вопроса о характере экспедиции Луки Варфоломеева следует выяснить, у кого, собственно, его личным отрядом за Волоком были взяты «на щит по Двинѣ всѣ погосты» и кто такие убившие его затем «заволочане». Выше

приведены доводы, исходя из которых сложно полагать, что «збои» напали на земли, прямо подчиненные Новгороду и принадлежащие подвластным тому лицам — все равно, боярам или чудской знати. С другой стороны, в хорошо освоенном к середине XIV в. Заволочье уже не должно было быть «ничьих» в политическом смысле населенных территорий, более того — сам употребленный летописью термин *погосты* неизбежно означает, что дань в захваченных в 1342 г. местах к тому моменту уже стабильно кем-то собиралась. Сразу заметим, что объектом посягательства вряд ли стали права великого князя. Хотя тот имел властные и фискальные prerogatives в Заволочье, а его слуги ходили по Двине к морю на промысел, но Новгород лишь недавно восстановил мирные отношения с Москвой и сразу ставить их под угрозу из-за частного интереса Луки не стал бы¹². К тому же о риске конфликта по этому поводу с князем Семеном Ивановичем нет известий и в связи с происходившим в Новгороде, где все это время продолжал сидеть его наместник, и в рассказе о войне на Двине.

Особую роль обретает вопрос, где именно находились взятые погосты. Прямых указаний нет, упомянута лишь Заволоцкая земля. Сказано, однако, что, приехав за Волок на Двину, Лука поставил городок Орлец, а затем, «скопивши Емцань», взял все погосты по Двине. Таким образом, к походу были привлечены и жители бассейна р. Емцы, притока Двины. Хотя они вроде бы тоже были заволочанами и обитателями одного из погостов по Двине, объектом нападения они не стали, а, напротив, выступили союзниками пришедшего из Новгорода войска. Далее сообщается, что в то время как сын Луки Онцифор «отходил на Вагу», Лука выехал воевать «всего в двусту» и был убит заволочанами. Чтение «на Вагу» Академического и Толстовского списков явно верно, в отличие от варианта Комиссионного «на Волгу»: до Волги от устья Емцы в зависимости от маршрута от 1200 до 1500 км, вряд ли на нее можно так просто «отойти», причем из текста следует, что одной из причин гибели Луки новгородцы тогда сочли именно «отход» сына, в результате чего у отца осталось лишь 200 воинов. Так могло быть, если с сыном ушло и значимое число бойцов, т. е. Онцифор отошел тоже «воевать». Это видится вполне возможным: после совместно достигнутого успеха отец продолжил действия

12. Более того, незадолго до этого слать рать в Торжок против великого князя Семена в Новгороде «не восхотеша чернь» (та самая, которая позже поднялась мстить за гибель Луки), после чего зимой 1340–1341 г. был заключен мир (НПЛ: 352–353).

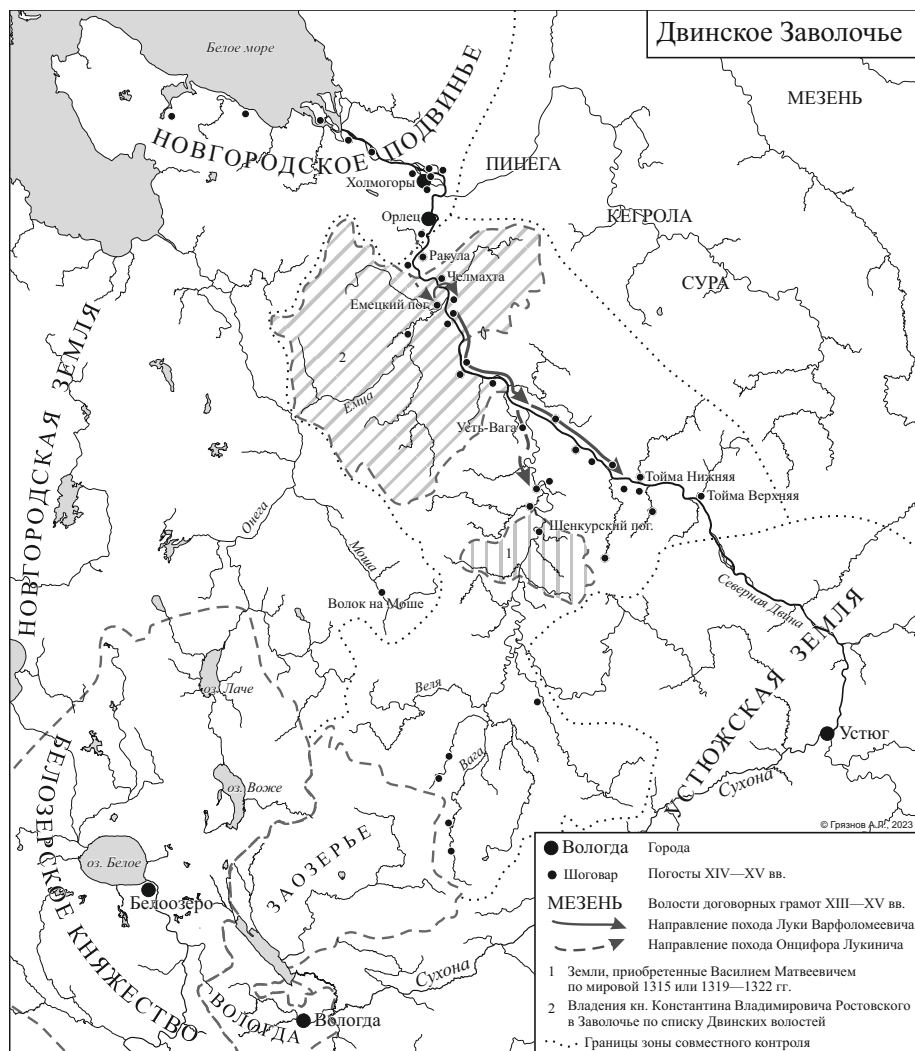

РИС. 1. Война 1342 г. в Двинском Заволочье

по берегам Двины, а сын отходит на впадающую в нее Вагу с частью сил, чтобы подчинить погосты и там. В итоге, однако, выстраивается четкая последовательность называемых летописью пунктов, раз за разом идущая от низовий Двины вверх по течению: Орлец—Емца—Вага, т. е., если взглянуть на карту, все время на юг (рис. 1).

В этом смысле значимым видится указание на емчан как важных участников замысла Луки Варфоломеева. Тут можно упомянуть благословенную грамоту архиепископа Иоанна на основание Архангельского монастыря (совр. Архангельск): милость Божья и святой Софии и святого архангела Михаила призывается в акте на все перечисляемые там социальные группы, составляющие христианское сообщество Двинской земли Великого Новгорода — от двинских посадников и бояр до «всех крестьян». Определены и точные пределы этой земли: «отъ Емцы и до моря» (Шахматов 1903: 145–146, № I). Таким образом, в конце XIV в. Емца — южный рубеж собственно новгородского Подвинья (Насонов 1951: 102–107). С этим сочетается и указание Усть-Емцы в Уставе Святослава 1137 г. как пункта, откуда идет доход новгородскому владыке, и на найденной при раскопках в Новгороде пломбе-цилиндре XI в., и позднейшие упоминания «Емъчы» и «всеи слободы Емечкой» (ГВНП: 226, 270, № 191, 264) в новгородских актах уже XV в.¹³ Выходит, к своему проекту Лука привлек и жителей южного приграничья новгородского Заволочья. Вариант, когда вместе с ними своевольный боярин захватил бы плотно населенный и уже давно освоенный его согражданами низ, север Подвинья, как сказано, неприемлем из-за уверенности летописца, что Луке следовало бы иметь для его предприятия «слово» (поддержку) Новгорода и благословение владыки и митрополита.

Заметим, само это упоминание митрополита тоже заставляет задуматься о планах, касающихся не исключительно Новгорода. Вспомним, как в 1311 г. сын Михаила Тверского собрался пойти на сидящего в Нижнем Новгороде Юрия Даниловича, «и не благослови его Петръ митрополитъ; онъ же стоявъ Володимери 3 недѣли и рать распусти...» (ПСРЛ 18: 87). Как видим, силовое разрешение территориально-политических противоречий серьезного уровня могло касаться сферы ведения главы Русской церкви. С учетом всего перечисленного, полагаем, южное направление, и так следующее из последовательности движений Луки в известии 1342 г., тоже выглядит более убедительным. Таким образом, это был поход из собственно новгородских земель Подвинья в земли не новгородские или не вполне новгородские, по поводу которых благословения лишь одного своего владыки могло быть недостаточно.

13. Характерно, что после прекращения независимости Новгорода устюжане сразу же организовали в 1479 г. небольшой грабительский рейд к этому лишившемуся его защиты рубежу: «шильники здумали на Устюге Андрѣи Мишнев, да шедь безъ вѣдома великаго князя да Емчю взяли...» (ПСРЛ 37: 94).

Возникает проблема, как с этим сочетается указание НПЛ, что Лука взял на щит «землю Заволочкую по Двинѣ, всѣ погосты». Большинство ученых так или иначе буквально воспринимало написанное: захвачены вообще все расположенные в Заволочье погосты по Двине, начиная от ее впадения в море, т. е. вся новгородская Двинская земля как ее описывают позднейшие источники начиная с Двинской уставной грамоты. Иного практически не предлагалось¹⁴: даже Л. В. Черепнин, заключив, что поход был предпринят для грабежа и захвата новых земель и отвлечения «беспокойного плебса» за пределы республики, не уточнил, где и у кого тогда эти погосты могли быть захвачены. Он, видимо, следовал версии XIX в. о еще ничейных землях, заселенных чудью, которых в реальности на Двине к середине XIV в. давно уже не оставалось. Препятствует варианту со «всеми погостами» от самого низа Двины и невозможность захвата Лукою подвластных Новгороду земель.

Полагаем, для данной проблемы есть решение, связанное с тем, что отнюдь не все погосты по Двине были тогда новгородскими. В XIII–XIV вв. верхнее и, возможно, какая-то часть среднего Подвинья принадлежали Ростову: у истока Двины стоял ростовский тогда Устюг. Позже, в XV в. правами на прежние отчины ростовских князей там оперирует великий князь, но реликтом их власти долго оставалась церковная принадлежность ряда приходов по Двине и по Ваге ростовской кафедре (Зарубин 1970). Точные границы ростовской и новгородской юрисдикций на Севере в более ранний период, в XIV в., однако, неизвестны. Для их определения используют так называемые списки Двинских земель, но картина, там зафиксированная, отражает динамичные и разнонаправленные изменения принадлежности конкретных территориальных единиц Москве, Новгороду и Ростову, происходившие на протяжении длительного периода до появления этого источника, относимого к 1471 г. (АСЭИ 3: 30–33, № 14–16). Прямолинейные ретроспективные реконструкции на его основе без учета политической истории Ростовского княжения, а также истории ростово-новгородских и московско-новгородских отношений в регионе неизбежно носят чрезмерно гипотетический характер. Не вдаваясь в анализ историографии, отметим лишь, что в имеющемся комплексе источников

14. За исключением А. Шёгрена, труд которого не был замечен русскоязычной наукой. Тот, однако, полагал, что новгородское освоение в XIII–XIV вв. двигалось от верховьев вниз по Двине. Лука же с емчанами завоевал остававшиеся в то время, по мнению ученого, еще чудскими погосты к северу от Емцы и Орлеца (Sjögren 1861: 362–364).

за XIII–XVI вв. не находится сведений о ростовских землях по Двине севернее Ракулы и о новгородских южнее Верхней Тоймы. С зоной же между ними — от Емцы до Нижней Тоймы — все обстоит сложнее, и ситуацию там следует рассматривать отдельно. В целом заметим, что мнение о некой сложившейся еще в XII в. *чересполосице* владений в Заволочье, звучащее начиная с XIX в. в целом ряде работ (или, что то же самое, о статичном «переплетении» там «труднорегулируемых прав»), видится не вполне релевантным как минимум для обсуждаемого периода: сведения современных ему источников, хотя и фрагментарные, отражают скорее ситуацию постоянного и динамичного соперничества на протяжении XIV–XV вв., итогом которого и стала зафиксированная списками Двинских земель и границами епархий мозаичная картина¹⁵.

С учетом этого в реконструкции политической подчиненности и внутреннего устройства интересующих нас земель к югу от Емцы ограничимся данными лишь самого близкого к 1342 г. времени. Наиболее актуальным в этом смысле из имеющихся источников является вышеупомянутая мировая Азики с братией и Василия Матфеева. В ней погостом и землями погоста располагается местный староста со своей местной же «братией» и от ее имени, и судя по тому, что он обратился к суду князя в Новгороде, за уплату туда дани с погоста также отвечал он. Иных политико-административных реалий в грамоте не находится. Как одна из границ владения упомянуты «ростовские межи», но лишь наряду с прочими уже чисто природными ориентирами (реками и озерами как рубежами, а также речными бассейнами). Василий и его потомки владели купленным погостом до XV в., и их прав поход 1342 г. явно не задел (Янин 1991а: 81–95; Васильев 2013: 98–104, 182–186). Вряд ли тогда Шенкурье вообще подверглось нападению, как и союзная Луке Емца, подобно которой Шенкурский погост непосредственно граничил с уже однозначно новгородскими территориями, лежавшими по Моше, через волок связывавшей Поважье с Поонежьем.

Очевидному вроде бы выводу, по которому поход был направлен на двинские земли уже за «ростовскими межами», тянущие к Устюгу, однако, есть явная помеха: противниками Луки Варфоломеева, погосты которых он брал «на щит» и которые

15. Заметим, к реальности второй и третьей четверти XV в. эта картина тоже имела мало отношения, поскольку все описанные в ней как принадлежавшие Ростову или Москве земли в действительности в конце XIV — начале XV в. были захвачены новгородцами, которые быстро начали восстанавливать в них свою власть и после поражения 1456 г.

его в итоге убили, в НПЛ названы «заволочанѣ», а не ростовцы или устюжане. Более того, следов прямого участия на этом этапе в конфликте 1342 г. сил ростовских князей не имеется. Возможное решение лежит в сфере политико-правовой специфики статусов земель новгородского приграничья рассматриваемого периода. Наиболее известны тут варианты, фиксируемые на границах Новгорода и Великого княжения Владимирского. В ключевых и самых чувствительных регионах (Торжок, Волок, Вологда, Бежицы) действовал режим совместного управления представителей Новгорода и великого князя (наместников, волостелей, их тиунов) в административной, судебной и фискальной сферах (современную работу по теме и историографию см. Фролов 2012). Его функционирование упрощалось тем, что великий князь одновременно являлся и князем Новгородским. Применительно к рубежам Ростова и Новгорода в Заволочье, однако, подобные институты не известны. Не было там и городов, где могли бы совместно «сидеть» тиуны.

Но имелся и иной вариант режима приграничных территорий, не предполагающий создания на них параллельных органов власти. Договоры Новгорода со Швецией и с Норвегией фиксируют существование не одной, а двух границ (двойной границы), окаймляющих широкие промежуточные буферные или, иначе, барьерные зоны («общий округ»), где с саамо- и карелоязычного населения получали *обычную* для себя дань обе стороны («двоеданничество»), уважая закрепленные традицией права друг друга и не вторгаясь в пределы уже исключительного ведения соседа за рамками этой зоны (Линд 1997: 135–142; Линд 1998: 108–115). Известен и сходный режим порубежья Новгорода и Великого княжества Литовского, так называемого чернокунства (Musin 2020: 111–131; см. также Янин 1998: 85, 140, 177; Фролов 2012: 143–145).

Можно предположить, что в подобном же формате изначально складывалась и система ростовско-новгородского приграничья (*borderland*) на Севере: князя Ростова в отличие от великих князей не были князьями для Новгорода и не могли формировать структуры совместного управления порубежными регионами. В этом случае обе стороны собирали себе в межграничном пространстве от «ростовских меж» до рубежа новгородской Двинской земли у Емцы уже закрепленную к тому времени традицией дань с чудских в своей изначальной основе «волостных» сообществ погостов и, учитывая права и интересы своего визави по владению этим пограничьем, воздерживались от односторонних действий по хозяйственному освоению и полному присвоению земель в его пределах. Во главе сообществ пограничья

стояли тамошние старосты и местная знать, как зафиксировала и грамота Азики и его братии¹⁶.

Устойчивость схожего status quo на порубежьях Швеции, Норвегии и Литвы обеспечивалась их военной мощью, но для Ростовского княжения все оказалось сложнее. Покупка новгородцами приграничного Шенкурского погоста у его старосты и местной знати состоялась или в 1315 г. (после отъезда из Новгорода Юрия Даниловича и до ухода упомянутого в мировой грамоте его брата князя Афанасия с ратью к Торжку), или, куда вероятнее, между 1319 и 1322 гг. (тогда Афанасий пробыл в Новгороде куда дольше, при этом представляя легитимную великокняжескую власть Юрия, уже подкрепленную ярлыком в Орде). Видимо, эта сделка или еще и иные подобные ей акции с новгородской стороны, нарушающие паритет в межграничной зоне, так или иначе и привели к тому, что уже в 1323 г. с Новгородом «заратишася устюжане», напав на привычно ехавших с Югры сквозь ростовские владения на Сухоне новгородцев (НПЛ: 97, 339). В итоге, однако, после взятия в 1324 г. новгородской ратью с Юрием Даниловичем Устюга князя Ростова были вынуждены прислать на Двину послов и заключить мир. Вскоре же проигрыш тверичей в борьбе за владимирский стол в 1328 г. предопределил и известную ситуацию ослабления союзного им Ростовского княжения: «Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москве» (Житие Сергия 2015: 184–186).

Крупная политическая неудача ростовцев, дополненная финансовыми санкциями Москвы и отъездом части бояр и слуг из Ростова, попавшего на время в положение, пользуясь позднейшим термином, протектората, явно должна была прово-

16. Для середины XV в. в том же регионе известны староста кулойский Васка Горло и староста вельский и пежемский Федко Василисов, которые «ищут» земель на новгородцах; в середине 1460-х гг. великому князю о защите от тянущих их «в свой потуг» устюжан бил челом от лица всех пежемцев и заечерчан Михейко, *старостин сын*; староста, а не волостель упомянут и в грамоте князя Василия Голенина Ростовского в сухонской волости Мола (АСЭИ 3: 32, № 16; Аракчсев 2011: 183; Черкасова 2004: 98–99). Характерно, что все эти волости «не тянут» к ростовскому центру Устюгу (как и двинские и важские «боярщины» Новгорода «не тянут» к Нижнему Подвину), а платят своим владельцам-князьям дань.

Для Пежмы и Заячьей реки размер и характер дани известны: это оброк «на год по тысяче белки». Заметим, что примерно так же была определена и дань, получаемая данщиками с жителей «общего округа» Новгорода и Норвегии: определено, что она не должна превышать пяти беличьих шуток (*grascin*) с каждого лука (*af huorium bogha*) (Norges gamle Love 3: 152–153).

цировать у новгородских бояр мысли о новых приобретениях в приграничной зоне за Волоком. К реальным действиям перешел Лука Варфоломеев. То, что мы именуем его сыном посадника, не должно смущать: в то время Лука уже вне сомнения самостоятелен и опытен, еще в 1333 г. с Федором Твердиславичем и с архимандритом Лаврентием он ездил послом к великому князю (НПЛ: 345), кроме того, его сын к 1342 г. уже вполне выросл, чтобы возглавить рать, отходившую на Вагу¹⁷. Отец Луки, видимо, в ту пору уже достаточно стар, он умер в Новгороде во время похода сына.

Вряд ли двинский проект мог замышляться без ведома семейно-родственного окружения Луки Варфоломеевича. Целью должны были стать не прилегающие к давно освоенным Новгородом регионам и лояльные тому приграничные сообщества вроде емчан или шенкурцев, а лежащие за ними дальше к Устюгу и к ростовской же Сухоне погосты верхней Двины и верхней Ваги. В сложившейся обстановке Лука, как приходится предположить, собирался уже не выкупать земли у тамошних старост (вероятно, дружественных Ростову или желавших укрыться под его патронатом), а захватить их военной силой своих холопов и примкнувших для участия в походе на южных соседей емчан, ограбив и выгнав или подчинив хозяев земель. В результате Лука получил бы для себя новые вотчины, а зона беспрепятственного освоения новгородцами и уже безраздельной власти Новгорода вплотную подошла бы к собственно «ростовским межам». Сама же республика формально не брала на себя прямой ответственности за эти его агрессивные по отношению к местным сообществам действия у границ Ростова. При этом показательно, что база, крепость Орлец, откуда началась собственно военная часть экспедиции, сооружается у южной границы новгородского Подвинья, имея за спиной уже освоенные и заселенные новгородцами низовья реки, а впереди за Ракулой лежали приграничье Емцы, средняя Двина и располагавшиеся еще дальше к югу ее ростовские верховья. Заметим, что действия Луки — это ровно то, от чего, к примеру, по Ореховецкому договору 1323 г. обещали воздерживаться Новгород и Швеция, владеющие совместно Корельской землей. Обе стороны зафиксировали в этом акте свои обязательства там «городов не ставити», а также не приобретать «земль и воды» у обоюдно подконтрольной им корелы (ГВНП: 68, № 38).

17. Имел уже сына Игнатия и брат Луки Матфей Варфоломеевич Коска (НПЛ: 356).

Неизвестно, достало ли бы тогда воли и сил у далекого Ростова для скорого ответа на недружественную и нарушающую нормы совладения акцию в «серой зоне», ибо вполне действенным в итоге оказался, как знаем, отпор со стороны самих жителей погостов. Те понимали, что под угрозой находится их собственный политический статус и их владельческие права. Несмотря на первый успех во взятии «на щит» погостов от Емцы по Двине, Лука встретил там вооруженное противодействие и, в очередной раз выехав «воевать», погиб. НПЛ прямо не говорит о крахе всего его предприятия, как и о судьбе его соратников, но то, что какого-то нового крупного блока новгородских владений в Подвинье после 1342 г. не появляется, а Орлец так и не стал значимым центром, заставляет признать неудачу столь масштабного начинания.

Предположить некоторые следствия этого можно на основе извлеченного в третьей четверти XV в. из судных списков перечня земель, где в том числе сообщается, что «за рѣкою за Двиною Хавры горы, Задвиніе, Пингиш, Челмахта, рѣчка Сѣя: то было княже Константиново Володимеровича Ростовского» (АСЭИ 3: 33, № 16). Речь о небольшой части из тех северных «земель ростовских и белозерских», которые «братия новгородци покупили <...> или даром поимали» и которые по договорам 1456 г. и 1471 г. им надлежало передать уже московским властям. Определяя, когда эти *княжцины* могли попасть к новгородцам, историки обычно лишь указывали дату кончины князя Константина, 1415 г., полагая, что примерно тогда же его северные волости и ушли к новым хозяевам. Есть, заметим, более ранний и вполне четкий репер: уже Двинская уставная грамота 1397 г. ту же Челмахту уверенно помещает в состав Двинской земли Великого Новгорода, попавшей ненадолго под великокняжескую власть (АСЭИ 3: 21, № 7). Ясно, что после разгрома Москвы и ее ростовских союзников в Заволочье в 1398 г. у Константина не было шансов каким-то образом вернуть эти вотчины, лежавшие уже в глубине разросшихся к тому времени новгородских владений. Следовательно, успеть и получить в наследство, и затем навсегда утратить названные земли князь должен был еще ранее, в последней трети XIV в., до середины 1390-х гг.

Заметим, однако, что рассказ НПЛ 1342 г. еще не обнаруживает на Двине между Орлецом и Емцой, где расположены Челмахта и Пингиш, никаких ростовских владений, хотя стол в Ростове в то время занимал родной дед Константина Владимировича Константин Васильевич. Более того, упомянутый перечень называет принадлежавшими тому же Константину-

внуку не одну лишь Челмахту с прочей обширной задвинской округой, но еще и огромный комплекс соседствующих с нею и друг с другом территорий по Двине выше и ниже устья Емцы («Шастозеро, Моржова гора, Коскошино до устья до Емецкого»), а также и по самой Емце, включая и Емецкий городок, и сам Емецкий погост, и бассейны крупнейших притоков Емцы Мехреньги и Ваймуги (АСЭИ 3: 33, № 16).

Сложно ожидать, что емчане с Лукой Варфоломеевым сначала захватили для него у кого-то неназванного еще и свой собственный погост и прочие земли по Емце, а летописец проигнорировал этот факт. Но тогда приходится заключить, что всех этих крупных отчин ростовских князей на Емце и в ближайшем к ней Подвинье в 1342 г. еще не существовало, и при этом спустя полвека, к 1390-м, они, ненадолго появившись там, вновь и уже окончательно исчезли. В этом случае появление их проще всего связать как раз с последствиями деятельного участия емчан в походе Луки, вызвавшего позднее ответные меры в той же межграничной зоне со стороны самих ростовцев, оставшиеся уже вне внимания летописей. Ожидаемым ходом с их стороны была бы попытка после событий 1342 г. ровно тем же образом активизировать освоение межграничной зоны, только, напротив, в направлении вниз по Двине: взять под более жесткий контроль и столь явно проявившую недружественность Емцу, и прочие земли, где до того, видимо, преобладающее влияние традиционно имели новгородцы. В этом князь Константин Васильевич мог опираться и на совершившийся факт грубого нарушения норм приграничного совладения с новгородской стороны, и на связи с великим князем, на сестре которого Марии он был женат, и на сохранявшуюся холодность в отношениях Новгорода с Москвой¹⁸. Насколько можно судить, именно к княжению Константина (1331–1363) можно отнести последний из удачных для власти Ростова на Севере периодов, а также, судя по всему, и полную христианизацию ряда волостей в приграничных землях под эгидой ростовской кафедры¹⁹.

18. После кончины великого князя Семена в 1353 г. Новгород даже пытался лоббировать в Орде передачу владимирского стола не его брату Ивану, а Константину Суздальскому.

19. Укажем на опыт последующей христианизации еще одного региона в том же ростовско-новгородском приграничье — впадающей в Двину Вычегды и ее притока Выми. Для этого иером. Стефану, хотя он родился в соседнем ростовском Устюге и был постриженником монастыря в Ростове, потребовалось именно благословение митрополита (желательность чего НПЛ отмечала и в связи с походом Луки), а также политическая поддержка Москвы, но все равно вскоре новопоставленному епископу Перми пришлось посетить и новгородского владыку. Возможно, указание летописца на возможность и жела-

Популярность начинания Луки в широких слоях новгородского социума объяснима тем, что при успехе оно обеспечило бы экономическое освоение новгородцами обширного и богатого приграничного региона уже без оглядки на южных соседей и на права союзных тем местных сообществ. Собственно ровно это и произойдет позднее, по мере ослабления Ростова, в последних десятилетиях XIV — начале XV в., когда все среднее Подвинье и все Поважье вплоть до уже непосредственных рубежей Устюжской земли окажется во владении новгородцев. В то же время и распространившиеся в Новгороде в начале 1343 г. слухи о знатных недоброжелателях сына Варфоломея не выглядят невероятными: судя по всему, не все в правящих кругах республики поддерживали чреватую войной в Заволочье авантюру (и поход начался без «слова новгородского»), к тому же ее успех, на взгляд противников Луки, мог неадекватно усилить Мишиничей и их партию.

Подводя итог, суммируем наши выводы. В 1342 г. Лука Варфоломеев с нанятым им войском попытался захватить для себя за Волоком погосты и их земли у местных старост и возглавляемых теми сообществ, но в итоге пал в одной из стычек с ними. В рассказе Новгородской первой летописи об этих событиях речь идет не о всех вообще погостах по Двине, а лишь о всех расположенных к югу от устья Емцы и ранее непосредственно не входивших в состав новгородской Двинской земли: то, что Лука пытался захватить неновгородские погосты, для летописца было очевидным и не требовало эксплицитного выражения. Этот проект Луки и его сына Онцифора не находит себе параллелей и по своему территориальному масштабу, и по сочетанию в нем политических и землевладельческих аспектов, и по тому, что его планировалось осуществить силами одной боярской семьи. Спустя некоторое время после неудачи этого предприятия ряд земель между нижним Подвиньем и непосредственно входящими в состав Ростовского княжества устюжскими станам и волостями, в том числе даже и расположенные на севере, у самых рубежей Новгородского Подвинья, Емца и Челмахта, обнаруживаются под властью потомков правившего в 1342 г. Константин Ростовского. Вкупе с тем, что Луке пришлось воевать без санкции Новгородской республики, это заставляет предположить, что ранее права Новгорода в среднем Подвинье и Поважье существовали в некоем балансе с права-

тельность благословения митрополитом начинания Луки предполагало интерпретацию похода как направленного на крещение новгородцами заволочской чуди в приграничной зоне.

ми там же князей Ростова, подобно барьерным зонам на порубежьях Новгорода с Швецией, Норвегией и Литвой. В первой половине XIV в. равновесие в этой зоне между Устюгом и Двинской землей Великого Новгорода постепенно начинает колебаться и по мере ослабления Ростовского княжения в итоге разрушается. Заметим также напоследок, что то политико-административное образование, которое определялось в ходе московско-новгородского конфликта 1397–1398 гг. как «Двинская земля», наследовало проекту Луки и в смысле своего центра, крепости Орлец, и в территориальном плане, включив как собственно новгородское Подвинье, так и всю зону ростовско-новгородского совладения от Двины до Ваги и Вели.

Благодарности

Сердечно благодарю А. Л. Грязнова и В. В. Понарядова за ценные замечания, сделанные в процессе моей работы над этой статьей.

Список литературы

- Аракчеев 2011 — В. А. Аракчеев. Новый источник по истории великокняжеской политики в севернорусских землях в третьей четверти XV в. // Российская история. 2011. № 4. С. 178–184.
- Беляев 1864 — И. Д. Беляев. Рассказы из русской истории. Кн. 2: История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1864.
- Бернадский 1961 — В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
- Бережков 1963 — Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Васильев 2013 — Ю. С. Васильев. К вопросу о двинских боярах XIV–XV вв. // Ю. С. Васильев. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. 2-е изд., испр. и доп. Вологда, 2013. С. 86–97.
- Гадзяцкий 1940 — С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 100–149.
- Даль 4 — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4: Р–V. СПб.; М., 1882.
- Едовин 2020 — А. Г. Едовин. «Двинские войны» 1323–1417 гг. // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Вологда — Кириллов, 5–7 сентября 2019 г.). Вып. 1. Вологда, 2020. С. 40–43.
- Житие Сергия 2015 — Житие Сергия Радонежского: пространная редакция / Подг. текста, пер., комм., иссл. А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015.
- Зарубин 1970 — Л. А. Зарубин. Важская земля в XIV–XV вв. // История СССР. 1970. № 1. С. 180–187.
- Карамзин 1992 — Н. М. Карамзин. История государства Российского: в 12 тт. Т. IV. М., 1992.

- Кизеветтер 1919 — А. А. Кизеветтер. Русский Север: Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Исторический очерк. Вологда, 1919.
- КС 1948 — Коми-русский словарь / Сост. Д. В. Бубрих и др. Сыктывкар, 1948.
- КС 2000 — Коми-роч кывчукӧр (Коми-русский словарь) / Отв. ред. Л. М. Безносикова. Сыктывкар, 2000.
- Корецкий 1969 — В. И. Корецкий. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 275–290.
- Костомаров 1863 — Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вещевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки). Т. 1–2. СПб., 1863.
- Крестинин 1784 — В. В. Крестинин. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. Ч. 1. СПб., 1784.
- Линд 1997 — Дж. Х. Линд. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251–1326 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 135–143.
- Линд 1998 — Дж. Х. Линд. Русско-шведская граница по Ореховецкому (Nöteborg-Pähkinälinna) миру и политический статус севера Фенноскандии // Средние века. Вып. 59. 1998. С. 96–115.
- Любавский 1909 — М. К. Любавский. Историческая география России в связи с колонизацией: Курс, читанный в Московском университете в 1908–1909 гг. М., 1909.
- Насонов 1951 — А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Павлюченко, Гундобин, Турмов 1992 — Ю. Н. Павлюченко, А. А. Гундобин, Г. П. Турмов. Ушкуй // Архитектура судов и кораблей. Краткий морской словарь. Владивосток, 1992. С. 201.
- Петров 1996 — А. В. Петров. Внутриобщинные столкновения в Новгороде в середине и второй половине XIV в. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 307–322.
- Платонов 1924 — С. Ф. Платонов. Прошлое Русского Севера (Очерки по истории колонизация Поморья). Берлин, 1924.
- Покровский 1913 — М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. 1. М., 1913.
- Рождественский 1929 — С. В. Рождественский. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV–XVI вв. // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1929. № 1. С. 49–154.
- Соловьев 1988 — С. М. Соловьев. Сочинения. Т. 3: История России с древнейших времен. Т. 3 и 4. М., 1988.
- Фролов 2012 — А. А. Фролов. Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 110–154.
- Черепнин 1960 — Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства. М., 1960.
- Черкасова 2004 — М. С. Черкасова. Кубено-Заозерский край в XIV–XVI вв. // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда, 2004. С. 46–105.
- Шахматов 1903 — А. А. Шахматов. Исследование о Двинских грамотах XV в. Ч. 2. СПб., 1903.
- Янин 1962 — В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.

- Янин 1991a — В.Л. Янин Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1991.
- Янин 1991б — В.Л. Янин Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин 1998 — В.Л. Янин. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
- Lind 1977 — J. H. Lind. Sjögrens Häme-teori og de russiske krøniker. Et opgør med finsk tradition // *Historisk Tidskrift för Finland* 1977. S. 286–323.
- Musin 2020 — A. Musin. «Czernokuństwo» — nowogrodzko-litewskie kondominium w południowej części Ziemi Nowogrodzkiej w XV w. // *Unie międzypaństwowe. Parlamentaryzm. Samorządność. Studia z dziejów ustroju Rzeczypospolitej Obojga Narodów*. Warszawa, 2020. S. 111–131.
- Norges gamle Love 3 — *Norges gamle Love indtil 1387*. Bd. 3. Christiania, 1849.
- Sjögren 1861 — A. J. Sjögren. Die Syrjanen, ein historisch-statistisch-philologischer versuch // A. J. Sjögren. *Gesammelte Schriften*. Bd. 1: *Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden*. St. Petersburg, 1861. S. 233–460.